



Жюль Верн

20 000 лье под водой

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

1870

УДК 821.133.1
ББК 84.4ФРА

Верн Ж. Г.

20 000 лье под водой / Ж. Г. Верн — Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 1870 — (Мир приключений и тайн)

Многим капитанам и судовладельцам 1866 год запомнился удивительными происшествиями. С некоторого времени мореплаватели стали встречать в открытом океане длинный, светящийся в темноте веретенообразный предмет, превосходивший размерами и скоростью передвижения самого крупного кита...

УДК 821.133.1

ББК 84.4ФРА

© Верн Ж. Г., 1870
© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», 1870

Содержание

На пороге эпохи чудес	6
Часть 1	8
1	8
2	10
3	12
4	14
5	16
6	18
7	21
8	24
9	27
10	29
11	33
12	35
13	37
14	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Жюль Верн

20 000 лье под водой

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2012

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2012

* * *

На пороге эпохи чудес

Жюль Верн, великий французский писатель и гуманист, родился в 1828 году в богатом портовом городе Нанте в семье адвоката. Когда ему исполнилось двадцать, родители отправили юношу в Париж, где он должен был получить юридическое образование. Однако их надежды не оправдались. Молодой Жюль Верн оказался из числа тех, кого гораздо позже в романе «Дети капитана Гранта» он назвал «кузнецами собственной судьбы». Уже через год он оставил учебу и занялся литературой. В ту пору он писал водевили и комедии в стихах, сотрудничал в популярных журналах. Целое десятилетие полуголодной и неустроенной жизни в мансардах, без гроша, но с неугасимой верой в свою счастливую звезду.

Осенью 1862 года вышел в свет первый роман писателя – «Пять недель на воздушном шаре», который сразу же завоевал признание и был переведен на все европейские языки. За первым романом последовали настоящие шедевры – «Путешествие к центру Земли» (1864), «С Земли на Луну» (1865), «Дети капитана Гранта» (1868), «20 000 лье под водой» (1870), «Вокруг света за 80 дней» (1872), «Таинственный остров» (1875) и «Пятнадцатилетний капитан» (1878), которые принесли Жюлю Верну всемирную известность.

Книга, которую вы держите в руках, – одна из тех, что сегодня называют «культовыми». «20 000 лье под водой» буквально завораживала молодых современников, служила источником вдохновения для ученых, изобретателей и путешественников. Идеи и научные предвидения, во множестве рассыпанные по ее страницам, спустя несколько десятилетий с невероятной точностью превращались в реальность, заставляя снова и снова удивляться прозорливости писателя. Недаром сам Жюль Верн отметил: «То, что один человек способен представить в своем воображении, другие вполне способны воплотить в жизнь».

Обычно считают, что все книги Жюля Верна можно разделить на «романы о науке» и «романы о необыкновенных путешествиях», но на самом деле писатель создал совершенно новый род литературы – волшебную сказку, в которой на смену вере в чудеса пришла вера во всемогущество знания и силу человеческого духа.

Что же послужило толчком к созданию «20 000 лье под водой»? Каждого, кто выходит в открытое море, потрясают две бездны: небо над головой и непостижимая глубина под килем. Жюль Верн первым с помощью своего могучего воображения попытался проникнуть в пучины Мирового океана. Но прежде он изучил все существовавшие и выдуманные подводные аппараты. Подводный корабль проектировал Леонардо да Винчи, его же изобразил в 1627 году английский философ Фрэнсис Бэкон в утопии «Новая Атлантида». Со времен античности был известен водолазный колокол, своего рода батискаф, в котором можно было ненадолго погружаться на небольшие глубины. С его помощью английский писатель Даниель Дефо, автор «Приключений Робинзона Крузо», пытался поднимать грузы с затонувших кораблей, но потерпел неудачу. В 1797 году инженер-изобретатель Роберт Фултон создал проект первой подводной лодки «Наутилус», за которым последовали проекты «Наутилус-II» и «Наутилус-III», и, наконец, в 1800 году субмарина Фултона проплыла под водой почти полкилометра на глубине около восьми метров. Лодка приводилась в движение веслами, ею управляли два моряка. Однако миру запомнился другой «Наутилус» – созданный фантазией французского писателя.

Но «Наутилус» Жюля Верна был всего лишь средством проникновения в глубины. А что там, куда не заглядывал ни один смертный? Верно ли, что там обитают гигантские чудовища? Действительно ли на дне морском покоятся несметные сокровища? Правда ли то, что океан хранит неисчислимы запасы полезных ископаемых и пищи для всего человечества? Тайны подводного мира, в то время еще совершенно не исследованного, открывали перед фантастом безграничные возможности – и он использовал их в своем романе сполна.

Однако требовался герой, который приоткрыл бы читателю эти тайны. Кто он? Как и почему оказался под водой? Вглядываясь в морскую пучину, Жюль Верн пришел к мысли, что подводный мир хранит не только секреты природы, но и человеческие тайны. А что, если существует некто, скрывающийся там, в глубине, от мира людей? В самом деле – лучшего убежища и не придумать!

Так, едва ли не впервые в истории приключенческого жанра, возник прообраз столь популярных сегодня «супергероев» – капитан Немо. Окутанный ореолом тайны, гениально одаренный, на полвека опередивший свое время, но противостоящий всему свету, обладающий неслыханным техническим могуществом, Немо в то же время живой и страдающий человек, переживающий серьезную внутреннюю драму. Влюбленный в море, он убежден, что только там человек избавится от жестокости и несправедливости и сможет жить поистине свободной жизнью.

Капитан Немо – человек-загадка. В нем уживаются гордость, решительность, железная воля, отчужденность – и милосердие, способность глубоко и бурно переживать, испытывать живой интерес к природе и истории. Личность героя отличается невероятным богатством – Немо блистательный ученый, инженер и конструктор, исследователь океана, знаток искусства и литературы. В его коллекциях на легендарном «Наутилусе» собраны шедевры живописи, литературы, поэзии, он владеет многими языками и является ценителем музыки и незаурядным исполнителем. В то же время его прошлое покрыто непроницаемой завесой тайны, которая лишь отчасти приоткрывается в романе.

Сочетание удивительных приключений и глубочайшей человеческой драмы – вот причина, по которой роман «20 000 лье под водой» по праву считается вершиной творчества Жюль Верна, подлинной жемчужиной литературы.

За сорок лет, начиная с 1862 года, писатель опубликовал 66 книг. Но даже смерти не удалось заставить его умолкнуть. Творческий багаж Жюль Верна был так велик, что еще в течение пяти лет после его кончины каждые шесть месяцев читатели открывали новый том «Необыкновенных путешествий», а последняя книга писателя – «Париж в XX веке» – была опубликована лишь в 1994 году.

По данным ЮНЕСКО, к началу XXI века Жюль Верн стал самым «переводимым» писателем на земле – его книги продолжают регулярно выходить на 138 языках.

Часть 1

1

Блуждающий риф

Многим капитанам и судовладельцам 1866 год запомнился удивительными происшествиями. С некоторого времени мореплаватели стали встречать в открытом океане длинный, светящийся в темноте веретенообразный предмет, превосходивший размерами и скоростью передвижения самого крупного кита.

Легко представить, как взволновало умы это необычное явление, хотя кое-кто пытался объявить сообщения моряков пустыми выдумками.

Однако 20 июля 1866 года судно «Губернатор Хиггинсон» встретило в море в пяти милях от восточных берегов Австралии гигантскую темную плавающую массу. Капитан решил, что перед ним не нанесенный на карты риф, и принялся определять координаты, но тут из недр темной массы вырвались два водяных столба и взлетели в воздух метров на пятьдесят. Явление это весьма походило на фонтаны, которые выбрасывают из ноздрей морские млекопитающие.

Двадцать третьего июля того же года нечто подобное наблюдали в водах Тихого океана с парохода «Христофор Колумб» в двух с половиной тысячах километров от Австралии.

А пятнадцать дней спустя в восьми тысячах километров от этого места пароходы «Гельвеция» и «Шэннон», встретившись в Атлантическом океане на пути между Америкой и Европой, обнаружили таинственное чудовище в точке с координатами $42^{\circ} 15'$ северной широты и $60^{\circ} 35'$ западной долготы.

Эти сообщения очень встревожили и заинтересовали общественность. Морское чудовище вошло в моду: о нем распевали в кафе, над ним потешались в газетах, его комически изображали на театральных подмостках. В научных обществах и на страницах специальных журналов разгорелась яростная полемика между верующими и неверующими, были пролиты потоки чернил и типографской краски и даже несколько капель крови, так как в одном случае спор закончился дуэлью на рапирах.

К началу 1867 года вопрос о новоявленном морском гиганте, казалось, был похоронен без надежды на воскрешение. Но тут появились новые факты. И на сей раз речь шла уже не о научной проблеме, а о реальной опасности.

Пятого марта 1867 года канадский пароход «Моравия» на полном ходу врезался в подводную скалу, не обозначенную ни на каких штурманских картах. Удар был настолько силен, что, если бы не прочность корпуса судна, все закончилось бы гибелью парохода, экипажа и пассажиров.

Столкновение произошло около пяти часов утра при полном безветрии. Вахтенные офицеры кинулись к корме, но ничего подозрительного не обнаружили, если не считать очага волнения на расстоянии трех кабельтовых от судна. Определив координаты, «Моравия» продолжила свой путь, так и не выяснив, с чем она столкнулась. Так или иначе, но по прибытии в порт обнаружилось, что часть судового киля сильно повреждена.

Три недели спустя все повторилось с величайшей точностью, но пострадавшее судно на сей раз принадлежало крупнейшей паровой компании, и случай получил широкую огласку.

Тринадцатого апреля 1867 года пароход «Шотландия», принадлежавший компании «Кунард-лайн», находился в точке с координатами $15^{\circ} 12'$ западной долготы и $45^{\circ} 37'$ север-

ной широты. Море было спокойным, дул легкий ветер. Колеса парохода мерно рассекали морские волны.

В 4 часа 17 минут пополудни корпус парохода вздрогнул от легкого удара в кормовую часть. По характеру толчка можно было предположить, что удар нанесен каким-то острым предметом, при этом он был настолько слабым, что никто не обратил бы на него внимания, если бы кочегары вскоре не доложили на мостик о течи в трюме.

В первую минуту пассажиры всполошились, но капитан Андерсон успокоил их. Для парохода, разделенного водонепроницаемыми переборками на семь отсеков, небольшая пробоина не представляла серьезной опасности. Тем не менее капитан тотчас спустился в трюм и обнаружил, что пятый отсек полностью залит водой.

Андерсон распорядился остановить машины и приказал одному из матросов спуститься в воду и осмотреть пробоину. Вскоре выяснилось, что пробоина в подводной части борта «Шотландии» имеет ширину около двух метров. Заделать ее в море не было возможности, и судно, глубоко осевшее в воду, продолжило свой путь и добралось до Ливерпульского порта с опозданием на три дня.

Пароход был поставлен в док, и инженеры компании осмотрели его. В корпусе, в двух с половиной метрах ниже ватерлинии, зияла пробоина в виде аккуратного равнобедренного треугольника. Края ее были такими гладкими, будто отверстие сделали резцом, причем оружие, пробившее листовую сталь толщиной в четыре сантиметра, должно было иметь фантастическую прочность. И при этом оно само собой высвободилось из пробоины!

С этого времени всякие разговоры о некоем «блуждающем рифе» прекратились и все морские катастрофы, причины которых остались невыясненными, теперь относили на счет морского чудовища. Таинственному гиганту пришлось отвечать за многое – ведь из трех тысяч судов, тонущих ежегодно, примерно двести считаются пропавшими без вести.

Так или иначе, но сообщение между Европой и Америкой оказалось под угрозой, и публика в унисон с газетами требовала, чтобы океан был любой ценой очищен от грозного монстра.

2

«За» и «против»

Именно в это время я, Пьер Аронакс, профессор при Парижском музее естественной истории, возвращался из путешествия по Северной Америке. Собрав за шесть месяцев экспедиции великолепные коллекции, в конце марта я прибыл в Нью-Йорк. Я предполагал выехать во Францию в первых числах мая, а все оставшееся до отъезда время посвятил классификации моих сокровищ – минералов, образцов растений и животных.

Конечно же, я был в курсе событий, так встревоживших общественность, так как читал все американские и европейские газеты. Теперь одни журналисты приписывали все беды животному колоссальной величины, другие предполагали, что виновником столкновений было подводное судно с неслышанно мощным двигателем.

Но кто и где мог бы построить такое судно? Только могущественное государство в наши дни способно на нечто подобное. Сегодня, когда человеческий ум изощряется в изобретении смертоносных орудий, легко представить, что одна из стран втайне от остальных соорудила и испытывала некую грозную машину.

Однако правительства всех крупнейших держав в один голос заявили о своей непричастности к таким проектам, и это было правдой. Вот почему на поверхность вновь всплыло пресловутое чудовище, которому бульварная пресса придала самые нелепые и фантастические черты.

По возвращении в Нью-Йорк меня не раз приглашали для консультаций по этому животрепещущему вопросу. Во Франции я выпустил в свет двухтомник под общим названием «Тайны морских глубин». Эта книга принесла мне славу специалиста в малоизученном разделе естественной истории. Меня просили высказать свое мнение, но в моем распоряжении не было никаких фактов, и я не выдвигал никаких версий, ссылаясь на неосведомленность. Но однажды, буквально загнанный в угол репортерами «Нью-Йорк Геральд», я наконец сдался.

Привожу выдержку из статьи, опубликованной в этой газете 30 апреля.

«Итак, – писал я, – взвесив одну за другой все гипотезы, я вынужден допустить существование морского животного, обладающего огромной мощностью.

Будем рассуждать логически. Нам пока не известны все виды животных, населяющих нашу планету. Поэтому вполне можно предположить, что в глубинах океана обитают неизвестные рыбы или китообразные, приспособившиеся к жизни в условиях огромных давлений и лишь время от времени всплывающие на поверхность океана.

С другой стороны, это животное может относиться к одному из уже известных видов, и в этом случае я готов допустить существование «гигантского нарвала».

Обыкновенный нарвал, млекопитающее из семейства нарваловых, часто достигает 15 метров в длину. Удешевьте его размеры, наделите животное силой, пропорциональной его массе, соответственно увеличьте бивень – и вы получите чудовище! Причем именно такое, которое способно протаранить борт океанского парохода.

В самом деле, нарвал вооружен подобием костяного копья, обладающего твердостью стали. Следы от ранений им не раз находили на теле китов, которых нарвал часто атакует. Случалось, что осколки бивня нарвала извлекали из деревянных корпусов судов, которые они пробивают насквозь. Теперь представим себе бивень в десять раз больше, животное в десять раз сильнее, вообразим, что оно движется со скоростью тридцати миль в час, помножим массу животного на скорость, и причина катастрофы «Шотландии» станет ясна.

Одним словом, я склоняюсь к мнению, что мы имеем дело с морским единорогом гигантских размеров, вооруженным грозным тараном, как некоторые военные суда».

Статья моя стала популярной, у меня даже появились единомышленники.

Но если для некоторых эта таинственная история представляла сугубо научный интерес, то для людей практических, заинтересованных в безопасности трансокеанских сообщений, необходимость избавить моря от страшного зверя была очевидной. Дошло до того, что страховые компании резко повысили ставки платежей, ссылаясь на новую опасность для мореплавателей.

И вскоре в Нью-Йорке началась подготовка к экспедиции, целью которой было уничтожение или отлов нарвала-гиганта. Быстроходный фрегат «Авраам Линкольн» должен был в ближайшее время выйти в море. Для его капитана Джона Фарагута были открыты военные склады, и он спешно оснащал свой корабль самым современным вооружением.

Но, как случается сплошь и рядом, именно тогда, когда дошло до дела, животное внезапно исчезло. Целых два месяца о нем не было ни слуху ни духу. Единорог словно почувствовал, что против него готовится военная операция. Фрегат был полностью снаряжен, снабжен лучшими китобойными средствами, но куда ему направиться, никто не знал. И лишь второго июля телеграф принес слух, что пароход, совершающий рейсы между Сан-Франциско и Шанхаем, три недели назад встретил гигантское животное в водах северной части Тихого океана.

В двадцать четыре часа на борт «Авраама Линкольна» было погружено продовольствие, а трюмы до отказа наполнены углем. Оставалось лишь развести пары и отдать швартовы.

А за три часа до отплытия «Авраама Линкольна» мне срочно доставили письмо следующего содержания:

«Достопочтенный сэръ!

Если Вы сооблаговолите присоединиться к экспедиции на фрегате «Авраам Линкольн», правительство Соединенных Штатов Америки испытает глубокое удовлетворение, так как в Вашем лице Франция примет участие в важном для обеих стран предприятии. Капитан Фарагут извещен и предоставит в Ваше полное распоряжение каюту.

Всецело преданный Вам,
военно-морской министр Д. Б. Гобсон».

3

«Как будет угодно господину профессору»

До того момента я и не помышлял об охоте за морским единорогом. Я только что вернулся из экспедиции, устал и нуждался в отдыхе. Я мечтал оказаться на родине, где были мои друзья и мои драгоценные коллекции. Но ничто не могло удержать меня от участия в экспедиции. Все было забыто в один миг! Не раздумывая, я принял предложение американского правительства.

– Консель! – нетерпеливо крикнул я.

Консель был моим слугой и помощником и сопровождал меня повсюду. Я был привязан к нему, и он платил мне взаимностью. Флегматичный, добропорядочный, исполнительный, философски относящийся к любым неприятностям, он был мастером на все руки, а вращаясь в кругу моих коллег, и сам кое-чему научился.

С тех пор как мне исполнилось тридцать лет, Консель уже на протяжении целого десятилетия сопровождал меня во всех экспедициях. Он готов был в любую минуту отправиться куда угодно, хоть в Китай, хоть в Конго, и при этом отличался завидным здоровьем, крепкими мускулами и, как казалось, стальными нервами.

Правда, у Конселя был один недостаток: он неизменно обращался ко мне в третьем лице – манера, чрезвычайно раздражавшая меня.

– Консель! – вторично позвал я, с лихорадочной торопливостью принимаясь за сборы.

– Господин профессор изволили звать меня? – спросил мой слуга, входя.

– Да, друг мой, начинай укладывать мои и свои вещи. Мы отправляемся через два часа.

– Как будет угодно господину профессору, – невозмутимо ответил Консель.

– Уложи в чемодан мои дорожные принадлежности, костюмы, рубашки, носки, и поживее!

– А коллекции господина профессора? – спросил Консель.

– Мы займемся ими позже. Они останутся на хранении в гостинице. Я распоряжусь, чтобы их отправили во Францию.

– Разве мы едем не в Париж?

– В общем, да, но придется сделать небольшой крюк. Иными словами, мы отплываем на фрегате «Авраам Линкольн», чтобы поохотиться за пресловутым нарвалом, о котором ты наверняка слышал. Разве автор «Тайн морских глубин» может отказаться от участия в такой экспедиции?

– Куда господин профессор, туда и я, – сказал Консель.

Через четверть часа чемоданы были уложены, и коридорный отнес наши вещи в вестибюль гостиницы. Я расплатился по счету, распорядился, чтобы мои тюки с образцами были отправлены во Францию, и мы с Конселем прыгнули в наемный экипаж.

Часом позже мы были в Бруклинском порту, где у причала стоял под парами «Авраам Линкольн». Я взбежал по трапу на борт, представился капитану – мужественному офицеру с отличной выправкой, и выяснил, где находится предоставленная нам каюта.

«Авраам Линкольн» был быстроходным фрегатом, оборудованным самыми совершенными паровыми машинами, которые позволяли ему развивать скорость свыше восемнадцати морских миль в час. Внутренняя отделка судна соответствовала его мореходным качествам. Наша каюта располагалась в кормовой части фрегата, короткий проход связывал ее с кают-компанией.

Я предоставил Конселю распаковывать чемоданы, а сам поднялся на палубу. Как раз в эту минуту капитан Фарагут приказал отдать концы. Опоздай я на четверть часа – и мне не

довелось бы участвовать в экспедиции, самое достоверное описание которой может показаться невероятным вымыслом.

«Авраам Линкольн» величественно отошел от причала и направился вниз по Ист-Ривер, сопровождаемый сотней катеров и буксиров, устроивших экспедиции торжественные проводы. Набережные Бруклина были полны народа.

В три часа пополудни лоцман покинул штурманский мостик и спустился в шлюпку. Капитан дал команду поднять пары; лопасти винта все быстрее рассекали воду, и к восьми часам вечера береговые огни скрылись из виду.

Теперь фрегат шел полным ходом по темным водам Атлантики.

4

Нед Ленд

Капитан Фарагут был опытным моряком, достойным великолепного судна, которым командовал. Но главное – он верил в существование гигантского нарвала и поклялся настичь чудовище.

Команда разделяла мнение своего капитана и с самым пристальным вниманием вела наблюдение за окрестными водами. Их энтузиазму способствовало и то, что капитан Фарагут посулил премию в две тысячи долларов тому, кто первым заметит животное!

Я также проводил целые дни на палубе, и лишь Консель оставался равнодушным к цели нашей экспедиции и не разделял возбуждения, царившего на борту.

Ни одно китобойное судно не могло быть снаряжено лучше, чем «Авраам Линкольн». У нас имелось все – от ручных гарпунов до усовершенствованной американской пушки, стрелявшей четырехкилограммовыми снарядами конической формы на расстояние до шестнадцати километров.

Мало того, на борту фрегата находился Нед Ленд, король гарпунеров. Этот уроженец Канады был искуснейшим китобоем, не знавшим себе равных. Ловкость и хладнокровие, смелость и сообразительность сочетались в нем в равной степени. Неду Ленду было около сорока лет. Это был рослый и крепкий, суровый с виду мужчина, необщительный и вспыльчивый; с его лица не сходило выражение непреклонной воли и целеустремленности. По твердости руки и верности глаза король гарпунеров один стоил целого экипажа.

Канадец – тот же француз, и надо сказать, что Нед Ленд, несмотря на свой суровый нрав, вскоре почувствовал ко мне расположение. Он был выходцем из старинной квебекской семьи, в его роду было немало смелых рыбаков еще в ту пору, когда город принадлежал Франции, и ему доставляло удовольствие говорить со мной по-французски.

Я охотно слушал его рассказы о приключениях в полярных морях, но вот что меня удивило: Нед Ленд абсолютно не верил в существование гигантского нарвала и не разделял царившего на борту фрегата воодушевления. Когда я пытался заговаривать с ним об этом, он попросту умолкал.

Итак, нам предстояло обогнуть Южную Америку, миновать Магелланов пролив и, поднявшись вдоль западного побережья Американского материка, достигнуть северной части Тихого океана. Именно там в последний раз чудовище дало о себе знать.

Великолепным вечером 30 июля, спустя три недели после того, как мы покинули Нью-Йорк, фрегат находился у мыса Бланка, всего в тридцати милях от берегов Патагонии. Мы пересекли тропик Козерога; еще семьсот миль к югу – и перед нами откроется вход в Магелланов пролив.

Сидя с Недом Лендом на юте, мы толковали о всякой всячине, не сводя глаз с поверхности моря. Разговор, естественно, коснулся гигантского нарвала, но Нед вновь уклонился от обсуждения этого вопроса. Тогда я пошел напролом.

– В чем дело, Нед? – спросил я. – Почему вы не верите очевидным фактам?

Гарпунер взглянул на меня, прикрыл глаза, собираясь с мыслями, и наконец проговорил:

– Имею основания, мсье Аронакс. Если невежда верит, что в недрах земного шара обитают допотопные ящеры, – это еще куда ни шло! Но геологу и натуралисту такие сказки смешны. Я китобой и твердо знаю: как бы ни были велики и сильны эти животные, они не в состоянии пробить стальную обшивку парохода.

– Но ведь есть свидетели того, как бивень нарвала дырявил обшивку судов насквозь.

– Какие-нибудь деревянные скорлупки! – презрительно бросил канадец. – Но и этого я не видел своими глазами.

– Послушайте, Нед...

– Нет уж, профессор! Все что угодно, только не кит и не нарвал. Хотел бы я знать, почему даже вы считаете гигантское китообразное вполне реальным?..

– Факты! Просто сопоставляя факты, я убеждаюсь в существовании грандиозного организма, принадлежащего, как и киты, кашалоты или дельфины, к позвоночным и наделенного бивнем исключительной прочности. И заметьте, Нед, – продолжал я, – такое животное должно обладать невероятной физической силой, чтобы выдерживать давление воды на глубине нескольких миль.

– В самом деле? – прищурился Нед.

– Именно так. Давление морской воды на глубине ста метров составляет десять атмосфер, на глубине тысячи метров – сто атмосфер, а на глубине десяти километров, или двух с половиной лье, – тысячу атмосфер. Иначе говоря, если бы вам удалось опуститься на такие глубины, на каждый квадратный сантиметр вашего тела приходилось бы давление в одну тонну. А известно вам, какова площадь поверхности вашего тела?

– Понятия не имею, господин Аронакс.

– Около семнадцати тысяч квадратных сантиметров. И на глубине десяти километров давление на него составило бы свыше семнадцати тысяч тонн. Иначе говоря, вас бы просто расплющило, как под гидравлическим прессом.

– Вот дьявольщина! – воскликнул гарпунер. – Видно, на этой твари обшивка из стали в восемь дюймов толщиной, как на кораблях-броненосцах!

– Представьте, какие разрушения может причинить такое существо, ринувшись со скоростью курьерского поезда на корпус судна! Ну как, убедились?

– Да-а... всякое бывает... – задумчиво произнес канадец, все еще не желавший сдаваться. – В одном вы убедили меня, мсье Аронакс: ежели подобные животные существуют, то они и впрямь должны быть сильны.

– Что за упрямец! А чем вы объясните случай с пароходом «Шотландия»?

– Тем... – Нед заколебался. – Тем, что все это сплошное вранье.

Разговор зашел в тупик, и я решил на время оставить гарпунера в покое.

5

Наудачу!

Шестого июля, около трех часов пополудни, «Авраам Линкольн» обогнул мыс Горн и взял курс на северо-запад. Уже на следующее утро винт фрегата пенит воды Тихого океана.

Теперь матросы глядели во все глаза – награда в две тысячи долларов прельщала каждого, за исключением, быть может, только меня. Но и я внимательно вглядывался в море, наспех обедал и беспокойно спал. И какое же волнение охватывало всех на судне, когда кому-либо удавалось заметить вдали фонтаны китов! Но все напрасно – это были всего лишь обыкновенные животные.

Погода стояла прекрасная, хотя время года было самое дождливое – ведь в Южном полушарии июль соответствует нашему европейскому январю; море было тихое, видимость отличная.

Нед Ленд по-прежнему скептически относился ко всей этой суе, предпочитая проводить свободное время в каюте. На мои упреки в равнодушии он неизменно отвечал:

– Ну рассудите сами, господин профессор, если эта тварь и в самом деле существует, много ли у нас шансов выследить ее? Мы ведь плывем наудачу, верно? Болтают, дескать, видели чудовище в северных водах Тихого океана. Так ведь с той поры прошло два месяца, а вы сами мне говорили: «Обладает, мол, неслыханной быстротой передвижения!» Стало быть, если наш нарвал не какой-нибудь там призрак, он уже далеко оттуда!

Мы и в самом деле шли наудачу. Но что оставалось делать? И все же, за исключением гарпунера, ни один человек на борту не сомневался в успехе.

Двадцатого июля мы снова пересекли тропик Козерога, а неделей позже оставили позади и экватор. Теперь фрегат взял курс на запад – к центру Тихого океана, так как наш капитан решил, что гигантского нарвала вероятнее встретить в глубоководных зонах. Фрегат прошел в виду архипелага Паумоту, Маркизских и Сандвичевых островов, пересек тропик Рака и направился в воды у берегов Восточной Азии.

Именно отсюда донеслась последняя весть о встрече с чудовищем. Все были возбуждены до крайности. Люди не ели, не спали. То и дело кто-нибудь поднимал ложную тревогу. Такое напряжение не могло остаться без последствий.

Целых три месяца «Авраам Линкольн» бороздил воды северной части Тихого океана, причем каждый день казался вечностью. Не осталось ни одной точки от берегов Японии до Аляски, которая не была бы обследована. Но никаких признаков неведомого существа нигде не обнаружилось!

Бесплодные поиски не могли продолжаться бесконечно. А поскольку было сделано все возможное, второго ноября к капитану Фарагуту явилась депутация от команды с предложением прекратить скитания в океане и вернуться на родину.

В результате непростых переговоров было принято решение: если в течение трех следующих дней чудовище не будет обнаружено, «Авраам Линкольн» ляжет на обратный курс.

Настроение команды сразу поднялось. С новой энергией люди всматривались в океанские воды, вновь стали нарасхват подзорные трубы и бинокли. «Авраам Линкольн» то шел под малыми парами, то ложился в дрейф, а спущенные на воду шлюпки бороздили море во всех направлениях. Но подводная тайна так и оставалась тайной.

Наступил вечер четвертого ноября. На следующий день, ровно в полдень, истекал оговоренный срок. Фрегат находился менее чем в двухстах милях от Японских островов. Прошло восемь часов. Густые облака заволокли серп луны.

Я стоял на баке, опершись на поручень. Консель, находившийся рядом, смотрел прямо перед собой. Матросы, взобравшись на ванты, наблюдали за горизонтом.

– Ну, Консель, – сказал я, – в последний раз представляется случай заработать две тысячи долларов!

– С вашего позволения, скажу, – отвечал Консель. – Если бы правительство Соединенных Штатов пообещало не две тысячи долларов, а сто тысяч, оно и в этом случае не потеряло бы ни копейки!

– Ты прав, Консель. Еще шесть месяцев назад мы могли бы вернуться во Францию... Воображаю, как над нами будут потешаться!

– Уж действительно! – невозмутимо подтвердил Консель. – Когда имеешь честь быть таким серьезным ученым, как господин профессор, не следует пускаться во всякие...

Мой слуга не успел закончить. Тишину на палубе нарушил громкий возглас. Это был голос Неда Ленда:

– Ну и дела! Эта штука прямо по ветру, под самым нашим носом!..

6

Под всеми парами

Весь экипаж бросился к гарпунеру. Капитан Фарагут тотчас отдал приказ застопорить машину, и фрегат продолжал движение лишь по инерции.

Луна скрылась за облаками, оставалось только удивляться, как умудрился канадец что-нибудь разглядеть в таком мраке. Сердце у меня колотилось от волнения.

Нед Ленд не ошибся: в двух кабельтовых от «Авраама Линкольна», справа по ходу судна, море было словно освещено изнутри. Но это не было обычное свечение морских организмов. Чудовище, поднявшись из глубин, отдыхало в нескольких метрах под поверхностью океана. Испускающий великолепное сияние предмет имел очертания огромного удлиненного овала, в центре которого свет был особенно ярким, а по мере приближения к краям ослабевал. Кроме того, он перемещался!

На палубе все оцепенели.

– Руль под ветер! – скомандовал капитан Фарагут. – Задний ход!

Матросы кинулись по местам, и «Авраам Линкольн», развернувшись, описал полукруг, удаляясь от светящегося пятна.

Не тут-то было – увеличить расстояние между невиданным существом и судном не удалось. Иначе говоря, оно следовало за нами!

Мы затаили дыхание. В считанные секунды чудовище описало окружность вокруг судна, шедшего со скоростью четырнадцать миль в час, обдав его каскадом лучей, словно светящейся пылью, и мгновенно оказалось от нас на расстоянии двух или трех миль. При этом в море остался фосфоресцирующий след.

Затем от самой линии горизонта чудовище с устрашающей быстротой ринулось на фрегат и, резко остановившись в десяти метрах от борта, мгновенно погасло и сразу же появилось по другую сторону судна, проскользнув под его корпусом. Каждую секунду могло произойти роковое столкновение.

Теперь уже корабль оказался в роли преследуемого, и капитан Фарагут маневрировал, стремясь избежать неведомой опасности. По характеру свечения чудовища я пришел к выводу, что это существо наделено могучими электрическими органами, подобно амазонским угрям и скатам. О том, чтобы атаковать его до рассвета, не могло быть и речи.

Экипаж фрегата был на ногах на протяжении всей ночи. «Авраам Линкольн» сбавил ход и шел под малыми парами. Сначала нарвал, словно подражая судну, сонно покачивался на волнах и не собирался покидать поле битвы.

Около полуночи он все же исчез, вернее, «угас», как гигантский светлячок, но часом позже в темноте послышались оглушительное шипение и свист – будто из океанских пучин забил мощный фонтан.

Капитан Фарагут, Нед Ленд и я стояли в этот момент на юте.

– Вам ведь приходилось, Нед, слышать, как киты выбрасывают воду? – спросил капитан.

– Много раз, сэр! Но ни разу я еще не встречал кита, один вид которого принес бы мне сразу две тысячи долларов.

– Несомненно, вы заслужили премию. Но скажите: этот свист похож на тот, который издают киты, поднимаясь на поверхность?

– Точь-в-точь, – подтвердил гарпунер. – Это китообразное, и, с вашего позволения, сэр, – прибавил он, – на рассвете я скажу ему пару теплых слов!

– Если оно будет в настроении вас выслушать, мистер Ленд, – заметил я с сомнением. Канадец только пожал плечами в ответ и усмехнулся.

Около двух часов ночи в пяти милях от «Авраама Линкольна» опять появилось свечение в море. До рассвета мы продолжали вести наблюдение и готовились к бою. Китоловные сети были разложены вдоль бортов, заряжены мушкетоны, выбрасывающие гарпун на целую милю, и ружья, которые бьют наповал слона. Нед Ленд ограничился тем, что наточил свой ручной гарпун – простое, но смертоносное в его руках оружие.

В шесть начало светать, и с первыми лучами утренней зари померкло электрическое свечение нарвала. Через час густой утренний туман застилал горизонт, и в самые лучшие зрительные трубы ничего нельзя было разглядеть.

Я взобрался на бизань-мачту. Несколько офицеров поднялись на марсовые площадки. Наконец завеса тумана заколебалась и начала медленно подниматься вверх. Линия горизонта очистилась.

Неожиданно, как и накануне, послышался голос Неда Ленда.

– Глядите-ка! Эта штука с левого борта, за кормой! – прокричал гарпунер.

В полутора милях от фрегата виднелось какое-то огромное темное тело, выступавшее примерно на метр над поверхностью воды. Позади него пенились волны, и никогда еще не доводилось мне видеть, чтобы хвостовой плавник животного работал с такой силой! Пенистый след описывал дугу, отмечая путь животного.

Фрегат немного приблизился к чудовищу. Конечно же, моряки «Шеннона» и «Гельвеции» несколько преувеличили его размеры – длина животного не превышала девяноста метров. Что касается всего прочего, его тело показалось мне удивительно пропорциональным.

Пока я наблюдал за этим диковинным существом, из его носовых отверстий вырвались два водяных столба высотой около сорока метров. Теперь у меня больше не оставалось сомнений, что это животное принадлежит к отряду китообразных.

Команда с нетерпением ожидала приказаний капитана. Он некоторое время внимательно наблюдал за животным, затем приказал вызвать старшего механика и распорядился поднять до предела давление в котлах и дать полный ход.

Час битвы настал. Спустя несколько секунд из труб фрегата повалили клубы черного дыма, палуба задрожала под ногами. Могучий винт пришел в движение, и «Авраам Линкольн» устремился к животному. Оно подпустило к себе корабль на расстояние полукабельтова, а затем поплыло, сохраняя это расстояние.

Погоня продолжалась около часа, но фрегат не выиграл ни метра, и стало ясно, что таким способом животное не догнать.

– Нед Ленд! – крикнул капитан Фарагут, яростно теребя свою бороду. – Не пора ли нам спустить вельбот?

– Придется повременить, сэр, – отвечал гарпунер. – Пока чертова тварь не утомится, с вельбота ее не взять! Поднимите еще давление пара. Я же, с вашего позволения, заберусь на бушприт и, как только мы подойдем поближе, пощекочу ее шкуру гарпуном.

Нед Ленд занял свой пост. Винт заработал еще быстрее; пар рвался наружу через клапаны, топки пылали. «Авраам Линкольн» делал восемнадцать с половиной миль в час – но и проклятое животное плыло с такой же скоростью!

Снова был вызван старший механик.

– Какое давление в котлах? – спросил капитан.

– Шесть с половиной атмосфер.

– Доведите до десяти.

– Консель, – сказал я, обращаясь к моему верному слуге, – мы, должно быть, взлетим на воздух!

– Это уж как будет угодно господину профессору! – отвечал он.

Предохранительные клапаны были перекрыты. «Авраам Линкольн» устремился вперед со скоростью девятнадцать и три десятых мили в час, но и чудовище мчалось «на всех парах», не прилагая для этого видимых усилий.

Какая гонка! Я волновался как никогда в жизни. Нед Ленд стоял на бушприте с гарпуном в руке. Несколько раз животное подпускало фрегат поближе, но в тот момент, когда канадец готовился метнуть гарпун, оно ускользало, развивая скорость не менее тридцати миль в час.

Одним словом, в полдень нас отделяло от нарвала такое же расстояние, как и в восемь часов утра.

Тогда капитан Фарагут решил наконец прибегнуть к самым крутым мерам.

– Боцман! – скомандовал он. – Расчет к носовому оружию!

Орудие немедленно зарядили и навели. Раздался выстрел, но снаряд пролетел несколькими футами выше животного. Второй выстрел угодил в цель. Но что это? Скользя по спине, выступавшей из воды, снаряд, отлетев мили на две, рухнул в море и разорвался.

– Проклятие! – вскричал капитан Фарагут. – Неужели эта тварь и в самом деле бронированная?

Погоня и охота возобновились – и без малейшего успеха. Час шел за часом, а животное не выказывало ни малейших признаков усталости. К вечеру злополучного дня шестого ноября «Авраам Линкольн» прошел по меньшей мере пятьсот километров, но наступила ночь и окутала мраком беспокойный океан.

В ту минуту я подумал, что мы никогда больше не увидим это фантастическое существо. Но за час до полуночи снова вспыхнул электрический свет в трех милях от фрегата – столь же яркий, как и в прошлую ночь.

Нарвал лежал неподвижно. Быть может, утомившись за день, он уснул на волнах.

Капитан Фарагут решил воспользоваться моментом. «Авраам Линкольн» дал малый ход, чтобы не разбудить чудовище. Затем машина была остановлена, и судно бесшумно двигалось по инерции. Все затаили дыхание, тем временем сила свечения нарвала еще увеличилась, слепя нам глаза.

Я стоял на баке, держась за леер и глядя на Неда Ленда. Каких-то десять метров отделяли его от нарвала. Внезапно рука гарпунера взлетела вверх, и его оружие взвилось в воздух. Затем послышался звон, как от удара стального острия по металлу.

Электрическое свечение мгновенно угасло, и два гигантских водяных столба обрушились на палубу фрегата, сбивая с ног матросов и круша надстройки и фальшборты.

Раздался страшный треск, и я, не успев схватиться за поручни, вылетел за борт.

7

Кит неизвестного вида

Неожиданно оказавшись в воде, я был ошеломлен, но сознания не потерял.

Меня сразу же увлекло на глубину около пяти метров, но, сделав несколько сильных взмахов, я выплыл на поверхность, перевел дух и стал искать глазами фрегат.

Заметили ли там мое исчезновение? Застопорил ли капитан машину? Есть ли надежда на спасение?

Мне удалось различить во мраке несколько огней и какую-то темную массу, которая постепенно удалялась на восток. Это был фрегат.

– На помощь! На помощь! – закричал я, пытаюсь плыть вслед, но одежда, намокнув, прилипла к телу и сковывала движения. Я задыхался – гибель казалась мне неотвратимой.

Внезапно чья-то сильная рука схватила меня за шиворот и рывком вернула на поверхность. У самого моего уха кто-то произнес:

– Если сударь изволит держаться за мое плечо, ему будет легче плыть.

– Это ты, Консель! – вскричал я. – Ты!

– Я, – отозвался мой верный друг и слуга, – и в полном распоряжении господина профессора.

– Ты тоже угодил в воду?

– Отнюдь. Но поскольку состою на службе у господина профессора, последовал за ним.

– А фрегат?

– Фрегат! – бросил Консель, переворачиваясь на спину. – Когда я прыгнул в море, вахтенный крикнул: «Перо руля сломано!» Чудовище слегка зацепило его своим бивнем. Но нам от этого не легче – фрегат потерял управление!

– Значит, мы погибли!

– Возможно, – спокойно произнес Консель. – Но в нашем распоряжении еще несколько часов; за это время может многое случиться!

Хладнокровие Конселя ободрило меня. Он помог мне освободиться от одежды, которая тянула меня на дно, и сам проделал то же самое. Держась рядом, мы продолжали наше «плавание».

Тем не менее наше положение было скверным. Приходилось рассчитывать только на то, что наше исчезновение обнаружат на судне и спустят шлюпки. Сам фрегат не мог изменить направление движения. Надо как можно дольше продержаться на воде – до тех пор, пока не рассветет.

Слабая надежда! Но так уж создан человек, что никогда не теряет надежды.

Столкновение фрегата с нарвалом произошло незадолго до полуночи. Стало быть, до рассвета еще семь часов. Море оставалось спокойным, и держаться на воде не составляло большого труда. Однако примерно через час меня внезапно охватила усталость, и если бы не помощь Конселя, я бы наверняка снова пошел ко дну.

В эту минуту луна выглянула из-за облаков. Поверхность океана заискрилась в лунном свете. Я поднял голову и окинул взглядом горизонт. На расстоянии пяти миль от нас вырисовывался темный силуэт фрегата – и ни одной шлюпки вокруг!

Я хотел крикнуть. Но кто мог услышать слабый голос на таком расстоянии! Тогда Консель собрался с силами и завопил:

– На помощь! На помощь!..

Остановившись, мы прислушались. Что это – шум крови в ушах или мне почудилось, что на призыв Конселя кто-то ответил?

– Ты слышал? – прошептал я.

Консель опять отчаянно закричал.

Никакой ошибки – на вопли Конселя издали откликнулся человеческий голос!

Собрав остаток сил и опершись на мое плечо, Консель до пояса высунулся из воды и тут же рухнул обратно.

– Что ты там видел?

– Я видел... – прохрипел он, – неважно... Лучше побережем силы!..

Только теперь мне пришла в голову мысль о морском чудовище. Не его ли заметил Консель? Но голос – ведь он никак не мог принадлежать животному!

Из последних сил Конселю удавалось удерживать мою голову над поверхностью, и время от времени он снова принимался кричать. И на его призывы вновь и вновь отвечал голос, который становился все отчетливее, словно приближался к нам.

Силы мои иссякали. Судорожные спазмы сотрясали тело, я захлебывался соленой водой, холод пронизывал меня до костей. Наконец я в последний раз рванулся вверх – и пошел ко дну... но почти сразу же натолкнулся на твердую поверхность, а затем почувствовал, как меня поднимают вверх, – и вот я уже снова могу вздохнуть...

На короткое время я потерял сознание, а когда пришел в себя, то почувствовал, что мое тело кто-то энергично растирает, возвращая мышцам подвижность.

– Консель! – прохрипел я, открывая глаза.

– Сударь изволили звать меня? – отозвался мой верный слуга.

При свете заходящей луны передо мной мелькнуло еще одно лицо, которое я сразу же узнал.

– Нед! – попытался воскликнуть я.

– Он самый, сударь! – отозвался канадец.

– Вас тоже швырнуло в воду?

– Именно! Но мне повезло больше, чем вам, – я почти сразу высадился на плавучий островок.

– Островок?

– Ну, если уж быть точным, – оседлал нашего нарвала! Видите ли, профессор, я сразу смекнул, почему мой гарпун не мог пробить шкуру чудовища. Дело в том, что оно и в самом деле заковано в стальную броню!

Слова канадца окончательно привели меня в чувство. Я стал на ноги и сделал несколько шагов по спине этого неуязвимого существа или объекта, чем бы оно ни было на самом деле. Ничего похожего на кожу крупных морских млекопитающих или костный панцирь древних рептилий!

Отливающая черным глянцем спина, на которой я стоял, была гладкой, словно отполированной. При ударе она издавала металлический звук, и неудивительно – на ней виднелись ряды заклепок.

То, что принимали за чудовище, за уникальное создание природы, оказалось еще более чудесным созданием – творением рук человеческих!

Однако нам было не до восторгов – мы лежали втроем на поверхности невиданного подводного судна, напоминавшего формой огромную рыбу. Но если это судно, то должны быть и машины, приводящие его в движение, и экипаж, однако за все это время, как утверждал Нед Ленд, он не заметил никаких признаков жизни. Судно мирно покачивалось на волнах, не трогаясь с места.

В следующую минуту, словно опровергая наши наблюдения, за кормой фантастического судна послышалось глухое шипенье. Мы едва успели схватиться за небольшое возвышение в носовой части, выступавшее из воды на метр или даже меньше. К счастью, судно двигалось с умеренной скоростью.

– М-да, покуда этот поплавок болтается на поверхности, – заметил Нед Ленд, – наши дела идут неплохо. Но ежели ему придет в голову нырнуть поглубже, я не дам и двух долларов за свою шкуру!

Канадец был прав: следовало немедленно вступить в переговоры с людьми, управлявшими этим судном. Именно от них теперь зависела наша жизнь. Однако все мои попытки обнаружить люк или другое подобие входа внутрь судна оказались бесплодными – повсюду сталь и ряды заклепок.

На помощь капитана Фарагута больше не приходилось рассчитывать. Мы шли на запад со скоростью около двенадцати миль в час, и фрегат давно скрылся за горизонтом. А примерно в четыре часа утра скорость хода так возросла, что мы с трудом удерживались на полированной обшивке судна, с головокружительной быстротой рассекавшего волны.

Когда рассвело, судно продолжало мчаться в неизвестном направлении. Я уже собрался приступить к планомерному осмотру всей части корпуса, которая выступала из воды, как вдруг понял, что судно медленно погружается.

– Эй вы, дьяволы! – взревел Нед Ленд, колотя подкованными каблуками сапог по гулкому металлу. – Отпирайте, хватит прятаться! Да поживее!

Неизвестно, услышали его или нет, но погружение внезапно прекратилось. Послышался лязг металла, и на некотором расстоянии от нас откинулась крышка люка. Оттуда выглянул человек, что-то выкрикнул на неизвестном языке и мгновенно исчез.

Спустя несколько минут из люка появились восемь дюжих молодцов с масками из темной ткани на лицах. Не произнося ни слова, они скрутили нас и поволокли в недра таинственного подводного корабля.

8

«Mobilis in mobile»

Все это произошло молниеносно. Не знаю, что чувствовали мои спутники, очутившись в плавучей тюрьме, но мне стало не по себе. Не с пиратами ли, промышляющими в море с помощью необыкновенного судна, мы имеем дело?

Едва крышка люка захлопнулась, как я оказался в полной темноте. Вслед за мной вели Неда Ленда и Конселя. Внизу находилась дверь, которая, пропустив нас, с лязгом закрылась.

Мы остались одни. Где мы? Все вокруг было погружено во мрак – настолько плотный, что нельзя было уловить ни малейшего проблеска света.

Нед Ленд дал волю своему негодованию.

– Тысяча чертей! – кричал он. – Не хватает только, чтобы эти парни оказались людоедами. Меня это несколько не удивит, но я заранее говорю: голыми руками меня не взять. Нож при мне, и пусть хоть один негодяй только попробует прикоснуться ко мне!..

– Спокойно, Нед, – сказал я гарпунеру, – не горячитесь. Не исключено, что нас подслушивают. Попробуем лучше выяснить, где мы оказались!

Сделав во мраке шагов пять, я уперся в металлическую стену. Двигаясь вдоль нее, я нащупал деревянный стол и несколько скамеек. Пол нашей тюрьмы был покрыт толстой циновкой. Нигде не было ни признака двери или окна. Камера наша имела метров шесть в длину и около трех метров в ширину.

Прошло полчаса. Внезапно вспыхнул свет, настолько яркий, что пришлось невольно закрыть глаза – к нему надо было привыкать постепенно. Это был тот самый белый слепящий свет, который на борту фрегата мы принимали за свечение морских организмов, но теперь он исходил из стеклянного полушария на потолке.

Мы смогли разглядеть как следует нашу тюрьму-каюту. Ее обстановка состояла из стола и пяти скамей. Дверь, видимо, закрывалась герметически – снаружи не доносилось ни единого звука. Но не напрасно же зажегся свет – наверняка сейчас здесь появится кто-то из членов экипажа!

Так и случилось. Послышался лязг затворов, дверь открылась, и вошли двое мужчин. Один был невысоким, мускулистым, широкоплечим, с большой головой, всклокоченными черными волосами и острым живым взглядом. В нем было много чисто французской живости, свойственной южанам-провансальцам.

Второй из вошедших заслуживает более подробного описания. Благородная посадка головы, твердый и пронизательный взгляд черных глаз, спокойствие и мужественное хладнокровие – все говорило о власти и уверенности в себе. Горделивая прямота – вот два слова, которыми можно было бы охарактеризовать его натуру.

Этому человеку можно было дать и тридцать пять, и пятьдесят лет. Он был высокого роста; резко очерченный рот, густые брови, тонкие, но сильные кисти с удлиненными пальцами – все говорило о возвышенном, страстном и благородном темпераменте, а его взгляд, казалось, пронизывал вас до глубины души.

Оба незнакомца были в беретах из меха морской выдры. Одежда из какой-то особой ткани свободно облекала их тела, а ноги были обуты в высокие сапоги из тюленьей кожи.

Высокий – скорее всего, командир судна – оглядел нас, не произнося ни слова, после чего заговорил со своим спутником на языке, о существовании которого я понятия не имел, – благозвучном и певучем.

Второй мужчина кивнул и обронил два-три слова, после чего вопросительно посмотрел на меня.

Я сказал по-французски, что не понимаю вопроса. Но он, по-видимому, тоже не понял меня. Тогда я назвал наши имена – представился сам и представил своих товарищей – и стал подробно рассказывать о наших приключениях, отчетливо выговаривая каждое слово.

Рослый человек слушал меня спокойно и чрезвычайно внимательно, но я не мог прочесть по его лицу, понял ли он хоть что-нибудь из моего рассказа.

– Ну, теперь ваш черед, – сказал я гарпунеру. – Извольте-ка, мистер Ленд, повторить все сказанное мною на чистейшем английском языке! Может быть, вам повезет больше.

Нед не заставил себя просить дважды и заговорил по-английски, но совсем о другом. Темпераментный канадец резко протестовал против нашего заключения и даже грозил судебным преследованием тем, кто лишил нас свободы. А в завершение дал понять самыми выразительными жестами, что мы умираем от голода и жажды.

Однако и гарпунер не добился большего, чем я. Хозяева судна и бровью не повели. Но тут вмешался Консель:

– Если господин профессор позволит, я поговорю с ними по-немецки. Как всякий фламандец, я в ладах с этим языком.

Консель степенно и обстоятельно еще раз поведал обо всех перипетиях, приведших нас сюда. Но его немецкий также не произвел ни малейшего впечатления.

Незнакомцы обменялись несколькими словами и вышли. Дверь за ними захлопнулась. Нед Ленд готов был взорваться, но я сказал:

– Друзья мои, не стоит отчаиваться. Совсем недавно мы были в гораздо худшем положении. И не спешите, прошу вас, осуждать командира и экипаж этого судна.

– Мне и так все про них ясно, – отозвался Нед Ленд. – Прожженные негодяи...

– Хорошо! А из какой они страны?

– Из страны негодяев!

– Любезный Нед, – сказал я, – о стране негодяев мне ничего не известно. Но в том, что они не англичане, не французы и не немцы, можно не сомневаться. У обоих внешность южан. Что касается языка, то это нечто невообразимое!

– Неужто не видно, что у этих людей язык собственного изобретения, выдуманный, чтобы приводить в бешенство порядочного человека, который голоден!..

Не успел он произнести последнее слово, как дверь открылась. Вошел стюард – он принес нам одежду: куртки и морские штаны, сшитые из какой-то диковинной ткани. Я проворно оделся, и спутники последовали моему примеру.

Тем временем стюард, казавшийся немой и глухим, стал сервировать стол на троих.

– Начало обнадеживающее! – заметил Консель.

Блюда, прикрытые серебряными колпаками, были аккуратно расставлены на застланном скатертью столе. Среди поданных нам кушаний я отметил несколько знакомых рыбных блюд, превосходно приготовленных, но некоторые вызвали у меня недоумение. Я не мог даже определить, какого они происхождения – растительного или животного. В сервировке стола чувствовались изящество и тонкий вкус. На ложках, вилках, ножах, тарелках – повсюду был выгравирован инициал, окруженный надписью-девизом. Воспроизвожу его точно: «*Mobilis in mobile. N*».

С латыни это можно перевести как «Подвижный в подвижной среде» – девиз, как нельзя лучше подходивший к подводному судну, а буква «N» была, очевидно, инициалом таинственного господина, покорившего глубины морей.

Нед и Консель не вдавались в такие тонкости. Они набросились на еду, и я последовал их примеру. Теперь мы могли быть уверены, что наши хозяева не дадут нам погибнуть от истощения.

Насытившись, мы почувствовали, что нас неодолимо клонит в сон. Оба моих спутника растянулись на циновках, устлавших пол каюты, и мгновенно уснули.

Мне, однако, это удалось не сразу. Тысячи мыслей одновременно мелькали в моем мозгу, сотни неразрешенных вопросов вставали передо мной.

Где мы? Какая могучая сила движет невиданное судно? Я физически чувствовал, как оно погружается в таинственную бездну океана. Из пучины возникали целые полчища неведомых тварей – свирепых, грозных, стремительных...

И все же мало-помалу мое возбуждение улеглось, видения растаяли в дымке дремоты, и я забылся тяжелым сном.

9

Нед Ленд в ярости

Проснулся я раньше всех. Не знаю, долго ли мы проспали, но я чувствовал себя вполне отдохнувшим. Мои спутники еще похрапывали в углу.

Поднявшись со своего жесткого ложа, я снова взялся исследовать нашу камеру. Мы, несомненно, оставались пленниками, и ничто не предвещало изменения нашей участи.

Мало того, внезапно я почувствовал, что становится все труднее дышать. Вероятно, мы использовали большую часть кислорода, содержавшегося в воздухе этого помещения, а из-за избытка углекислоты здесь стало невозможно дышать.

Камеру нашу следовало бы проветрить, а заодно и все помещения подводного корабля. Уж не знаю, как в таких случаях поступают на этом судне – получают ли кислород химическим способом, хранят ли его в баллонах под давлением или просто поднимаются на поверхность, подобно киту. Так или иначе, пришло время использовать один из этих способов.

Я дышал часто и тяжело, голова уже начала кружиться – и вдруг пахнуло йодом и солью: струя чистого, насыщенного морскими запахами воздуха ворвалась в нашу камеру. Спустя минуту пол под моими ногами дрогнул и я почувствовал легкую бортовую качку. Стальной «кит» всплыл на поверхность!

Несколько успокоившись, я стал искать вентиляционное отверстие, через которое поступал свежий воздух, и вскоре обнаружил его. Отдушина находилась прямо над дверью.

Тем временем проснулись Нед Ленд и Консель и словно по команде вскочили на ноги.

– А скажите-ка, мсье Аронакс, – тут же поинтересовался гарпунер, – который теперь час? Уж не обеденный ли?

– Обеденный? Вы, верно, хотите сказать, что пора завтракать? Мы с вами проспали весь вчерашний день вплоть до сегодняшнего утра. Фактически целые сутки!

– Какая разница! – сказал гарпунер. – Я голоден, как тысяча чертей, и будь то завтрак, обед или ужин, нам его не несут!

– Мистер Ленд, – заметил я, – на всяком корабле, как и в монастыре, свой устав и распорядок. Поберегите свой темперамент! Судя по тому, как с нами обошлись поначалу, никто не собирается морить нас голодом.

– Возможно и так, – проворчал канадец. – Но скажите откровенно, мсье Аронакс, как вы думаете: долго еще нам сидеть в этой железной крысоловке?

– Я знаю об этом ровно столько же, сколько и вы, мой друг! Однако я предполагаю, что случай позволил нам прикоснуться к какой-то важной тайне. И если экипаж и командир подводного судна заинтересованы в сохранении этой тайны, то, я думаю, мы в опасности. А если это не так, чудовище, поглотившее нас, при первой же возможности вернет нас на сушу.

– Или зачислит в судовую команду, – флегматично заметил Консель, – и будет держать до тех пор...

– До тех пор, – перебил его Нед Ленд, – пока какой-нибудь фрегат, более быстроходный и удачливый, чем «Авраам Линкольн», не захватит это разбойничье гнездо и не вздернет весь экипаж на реи – и нас с ним заодно.

– Интересная версия, мистер Ленд, – усмехнулся я. – Но пока никто еще не делал нам никаких предложений. Поэтому бесполезно строить планы. Действовать придется по обстоятельствам, но если пока ничего невозможно сделать, то ничего делать и не следует!

– Как это – не следует? – возмутился гарпунер, не желавший сдаваться. – Нужно бежать отсюда!

– Бежать из тюрьмы даже на суше не просто, но вырваться из подводной тюрьмы, по моему, совершенно невысказано.

Гарпунер, явно озадаченный, молчал. Но недаром считается, что всякий канадец – наполовину француз, и Нед Ленд доказал это своим ответом:

– Стало быть, мсье Аронакс, мы не можем вырваться из тюрьмы... Что ж – тогда нам остается одно: устроиться в ней по-хозяйски. И для начала вышвырнуть вон всех тюремщиков и стражников.

– Полно вам, Нед! Неужели вы в самом деле надеетесь захватить судно?

– Само собой, – отвечал гарпунер. – Разве не может подвернуться удобный случай?

Чтобы обуздать фантазию гарпунера, я ограничился дипломатической отговоркой.

– Вот при случае, мистер Ленд, мы и вернемся к этой теме, – сказал я. – Но пока прошу вас запастись терпением. Обещайте мне держать себя в руках, иначе вы можете сильно ухудшить наше и без того незавидное положение.

– Обещаю, господин профессор, – буркнул Нед Ленд, но его тон меня несколько не успокоил.

Должен сознаться, что, в отличие от гарпунера, я не питал иллюзий. Судя по тому, как искусно маневрировал подводный корабль, на его борту находился многочисленный и вышколенный экипаж. Я просто не представлял, каким образом можно выбраться из этого стального каземата с герметическими запорами.

Как поступит с нами командир подводного судна? Приговорит к смерти или высадит на какой-нибудь необитаемый остров? Мы всецело в его власти, и нужно быть Недом Лендом, чтобы на что-то надеяться...

Так прошло еще два часа. Гарпунера мучили голодные спазмы в желудке, и он все больше выходил из себя. Наконец Нед начал кричать, пытаясь привлечь к нам хоть чье-нибудь внимание, но стальные стены оставались глухи к его призывам. На судне не было слышно ни малейшего шума, словно весь экипаж вымер. Это безмолвие становилось все более пугающим.

Я уже начал впадать в отчаяние, а Нед Ленд просто неистовствовал, когда снаружи послышался шум. Запоры загремели, дверь отворилась, и в камеру вошел стюард.

Прежде чем я успел остановить канадца, он ринулся на бедолагу, опрокинул его на пол и могучими руками, привыкшими к шестифутовому гарпуну, сдавил его горло. Стюард задышался и хрипел, пытаясь освободиться, но без всякого успеха.

Консель попытался было вырвать из рук гарпунера его жертву, а я уже готов был броситься ему на помощь – и вдруг замер на месте. В камере прозвучали слова, сказанные по-французски:

– Успокойтесь, мистер Ленд, и вы также, мсье профессор! Извольте выслушать меня!

10 Обитатель морей

В дверном проеме стоял капитан корабля.

Нед Ленд мгновенно вскочил на ноги. По знаку своего командира полузадушенный стюард удалился, едва переставляя ноги. Консель и тот, казалось, оторопел от неожиданности.

Капитан, прислонившись к столу и скрестив руки на груди, внимательно смотрел на нас. Несколько секунд длилось молчание.

– Господа, – сказал наконец капитан, – я свободно владею французским, английским, немецким и латинским языками. Я мог бы сразу же объяснить с вами, но хотел понаблюдать и затем решить, как мне поступить. Мне известно теперь, что случай свел меня с Пьером Аронаксом, профессором Парижского музея естественной истории, и его спутниками – слугой Конселем и Недом Лендом, гарпунером с фрегата «Авраам Линкольн».

Я слегка поклонился, подтверждая его слова. Капитан изъяснялся по-французски совершенно свободно. Он продолжал, обращаясь ко мне:

– Однако, узнав, кто вы такой, сударь, я оказался в тупике и долго не мог принять никакого решения. Скажу сразу: обстоятельства свели вас с человеком, который преднамеренно порвал все связи с человечеством! Вы нарушили мой покой.

– Поневоле, – заметил я.

– Разве? – удивился капитан, несколько повысив голос. – Фрегат «Авраам Линкольн» поневоле охотился за мною по всем морям? И вы сами поневоле отправились в плавание? Неужели и снаряды из бортового орудия фрегата поневоле летели в корпус моего судна, и мистер Нед Ленд поневоле метал в него гарпун?

На эти упрёки у меня был готов ответ.

– Сударь, – сказал я, – до вас, я думаю, не дошли слухи, которые распространились в Америке и Европе в связи с вашим судном. Несчастные случаи при столкновении ряда кораблей с неизвестным объектом в океане получили самую широкую огласку. Это и стало причиной снаряжения экспедиции. Но знайте, что, преследуя вас, капитан «Авраама Линкольна» до последней минуты был уверен, что охотится за каким-то морским чудовищем, которое необходимо уничтожить ради безопасности морских путей!

Легкая усмешка тронула губы капитана.

– Мсье Аронакс, – произнес он уже более спокойно, – надеюсь, вы не станете утверждать, что ваш фрегат не стал бы преследовать и пытаться уничтожить подводное судно с такой же настойчивостью, как преследовал морское чудовище?

Вопрос капитана смутил меня. Несомненно, капитан Фарагут считал бы своим долгом уничтожить подводное судно, как и гигантского нарвала.

– Согласитесь, сударь, – продолжал этот человек, – что я имею полное право отнестись к вам, как к врагам.

Мне опять пришлось промолчать.

– Я долго колебался, – сурово проговорил капитан. – Ничто не обязывает меня оказывать вам гостеприимство. Я мог бы высаживать вас на палубу моего судна, опуститься в глубину и забыть о вашем существовании!

– Так поступил бы дикарь, но не цивилизованный человек! – отвечал я.

– Господин профессор, – в голосе капитана теперь зазвучали насмешка и презрение, – я вовсе не из тех людей, которых вы именуете цивилизованными! Я порвал все связи с обществом, и на то у меня были веские причины. Я не подчиняюсь его законам и прошу вас больше никогда на них не ссылаться!

Все было сказано – и он умолк. У меня мелькнула мысль, что в прошлом этого человека скрыта страшная тайна – недаром он поставил себя вне закона. А теперь он обрел независимость и свободу в полном смысле этих слов. Целый флот не устоял бы против его подводного крейсера, и никто из тех, кто правит миром на суше, не мог потребовать у него отчета!

Капитан наконец прервал мучительное молчание:

– Как я уже сказал, я колебался. Но, поразмыслив, решил, что чувство сострадания вполне совместимо с моими интересами. Вы останетесь на борту моего корабля, раз судьба забросила вас сюда. Я предоставляю вам относительную свободу, но взамен вы должны выполнить единственное условие. Оно заключается в следующем: возможно, иногда непредвиденные обстоятельства будут вынуждать меня удалять вас на несколько часов или дней в ваши каюты – без права их покидать. Я хочу, чтобы вы дали слово беспрекословно повиноваться мне в подобных случаях. Это и в ваших интересах: таким образом я снимаю с вас всякую ответственность за мои действия. Итак?

«Стало быть, на борту подводного корабля творятся дела, о которых не следует знать посторонним», – подумал я и тотчас ответил:

– Мы готовы принять это условие. Но позвольте, сударь, вопрос. Я вас правильно понял: мы будем пользоваться свободой на борту вашего судна?

– Несомненно. Вы сможете свободно передвигаться, осматривать судно, наблюдать жизнь на борту.

– Извините, сударь, но ведь это свобода узника в тюрьме! Значит, мы не должны надеяться увидеть родину, друзей, семью?

– Нет, не должны. Но зато вы сможете сбросить с себя тяжкое земное иго, которое люди называют свободой! Это не так мучительно, как вам кажется.

– Что касается меня, – мрачно проговорил Нед Ленд, – я никогда не дам слова, что не попытаюсь бежать отсюда!

– Мне и не требуется ваше слово, мистер Ленд, – холодно заметил капитан.

– Сударь, – воскликнул я, – но ведь это бесчеловечно!

– Вы думаете? Судите, однако, сами: вы захвачены в плен на поле битвы, но я сохранил вам жизнь! Вы атаковали меня и прикоснулись к тайне, в которую не должен был проникнуть ни один человек в мире, – к тайне моего существования! Мне придется держать вас на борту хотя бы ради собственной безопасности!

– Очевидно, сударь, – сказал я, – у нас нет выбора. Или, вернее, есть выбор только между жизнью и смертью...

– Именно.

И уже гораздо более мягким тоном он прибавил:

– Я знаю вас, мсье Аронакс. И уверен, вы – человек, который никогда не станет жалеть о том, что случай связал наши судьбы. В судовой библиотеке среди моих любимых книг вы найдете и ваш труд, посвященный исследованиям морских глубин. Поверьте: время, проведенное на борту моего корабля, станет для вас самым плодотворным. Вы совершите путешествие в настоящую страну чудес – жизнь подводного мира будет изо дня в день развешиваться перед вашими глазами! Я готовлюсь предпринять подводное путешествие вокруг света – я хочу еще раз окинуть взглядом все, что мною было открыто и исследовано в морских глубинах. Вы увидите то, что скрыто от человеческих глаз, и наша планета откроет перед вами свои самые сокровенные тайны!

Речь капитана произвела на меня сильное впечатление, и я на мгновение забыл, что никакие научные открытия не окупят утраченной свободы. Пришлось утешить себя надеждой на туманное будущее.

– Последний вопрос, – сказал я, заметив, что капитан собирается покинуть нас. – Как прикажете вас именовать?

– Я – капитан Немо, – отвечал этот человек, – а вы и ваши спутники для меня – пассажиры «Наутилуса».

В дверях бесшумно появился слуга, и капитан, обращаясь к канадцу и Конселю, проговорил:

– Завтрак ждет вас в вашей каюте. Следуйте за этим человеком.

Когда мои друзья вышли из камеры, где провели более тридцати часов, капитан повернулся ко мне:

– А теперь, господин Аронакс, прошу вас разделить со мной трапезу.

Переступив порог, мы оказались в освещенном электричеством узком проходе. Пройдя с десяток метров, капитан Немо толкнул большую дверь, и мы вошли в просторный зал.

Это была столовая, отделанная дубовыми панелями в английском стиле. Резные поставцы, инкрустированные черным деревом, возвышались у стен, на их полках сверкал дорогой хрусталь. Серебряная утварь отражала яркий свет, падавший сверху, но изысканная роспись потолка приглушала яркость освещения. В центре располагался прекрасно сервированный стол.

Капитан Немо жестом пригласил меня садиться.

Завтрак состоял из нескольких блюд. Выглядели они чрезвычайно аппетитно, но поначалу мне чудился в них некий привкус. Однако вскоре я перестал его ощущать.

Капитан Немо искоса поглядывал на меня. Я ни о чем не спрашивал, но он сам ответил на вопросы, которые готовы были сорваться с моего языка.

– Большинство этих блюд вам незнакомо, – начал он, – но ешьте без опаски. Пища эта здоровая и питательная. Я давно отказался от всего земного и, как видите, чувствую себя неплохо. Мои матросы все как на подбор крепыши, а питаемся мы одним и тем же.

– Стало быть, – сказал я, – все эти кушанья приготовлены из того, что поставляют вам море?

– Да, господин профессор! Ловля сетями и охота в подводных лесах, где не ступала нога человека, удовлетворяет все наши нужды. Владения мои безграничны и никогда не оскудеют!

Я взглянул на Немо с удивлением.

– Я понимаю, сударь, что сети добывают рыбу к вашему столу; я, хоть и не совсем ясно, представляю, что вы можете себе позволить охотиться в подводных лесах, но мне совершенно непонятно, откуда здесь берутся мясные блюда?

– Сударь, я не использую мясо земных животных, – сказал на это капитан Немо.

– Ну а это что такое? – спросил я, указывая на тарелку, на которой лежали ломтики говядины.

– То, что вы принимаете за говядину, господин профессор, – филейная часть морской черепахи. Вот суфле из морских кубышек, любой малаец нашел бы его несравненным! Вот крем, взбитый из китового молока; вот сахар, который мы получаем из гигантских водорослей – фукусов. А на десерт – варенье из анемонов, не уступающих по вкусу лучшим плодам земли.

Из любопытства я отведал каждого блюда. А капитан Немо тем временем продолжал:

– Море, мсье Аронакс, не только кормит меня, но и одевает. Ткань вашего костюма соткана из биссуса двустворчатых моллюсков, окрашена она соком пурпурницы. Одеколон, что стоит на туалетном столике в вашей каюте, получен сухой перегонкой морских растений. Пером отныне вам будет служить китовый ус, а чернилами – сепия каракатицы.

– Вы так любите море, капитан?

– Море – это целый мир. Дыхание его чисто и животворно. Здесь человек не чувствует себя одиноким, ибо постоянно ощущает биение жизни. В глубинах морей обитают дикие существа, а сами моря – непрестанное движение и любовь. В океанах зародилась зем-

ная жизнь, в них она и завершится. И наконец, они не подвластны деспотам. На глубине десяти метров заканчивается всякое земное могущество – там царит полная и абсолютная независимость! Здесь все, все свободны!..

Внезапно умолкнув, капитан Немо несколько минут взволнованно расхаживал по столовой. Постепенно его лицо приняло обычное выражение. Только тогда он вновь обратился ко мне:

– А теперь, господин профессор, если вы не прочь осмотреть «Наутилус», я к вашим услугам!

Я с готовностью последовал за этим таинственным человеком, чье имя в переводе с латыни означало «Никто».

11

«Наутилус»

Двойная дверь в глубине столовой распахнулась, и мы вошли в соседнее помещение, столь же просторное.

Это была библиотека. В высоких шкафах из палисандрового дерева рядами стояли книги в одинаковых переплетах. Шкафы занимали все пространство от пола до потолка. Здесь также находились широкие диваны, обитые кожей, передвижные подставки для книг, а в центре – большой стол, заваленный журналами и газетами. Четыре полушария из матового стекла ярко освещали каждый уголок. Я не верил своим глазам – неужели все это находится на подводном корабле?

– Ваша библиотека, капитан, – сказал я, – сделала бы честь любому музею или дворцу на суше. Это настоящая сокровищница; и я поражен тем, что она сопутствует вам в морских глубинах! Мой парижский кабинет беден в сравнении с вашим. У вас тут не менее семи тысяч томов...

– Двенадцать тысяч, мсье Аронакс. Книги – единственное, что все еще связывает меня с землей. Мир перестал существовать для меня в тот день, когда «Наутилус» впервые погрузился в морские глубины. Именно эта дата стоит на последних номерах газет и журналов, купленных мною... Библиотека всегда к вашим услугам – вы можете пользоваться ею, когда вам заблагорассудится.

Поблагодарив, я шагнул к полкам. Научная, философская, художественная литература на всех языках, но научные издания явно преобладали: труды по математике, механике, баллистике, гидрографии, метеорологии и географии чередовались с работами крупнейших естествоиспытателей; был здесь и мой двухтомник.

Я поблагодарил капитана за разрешение пользоваться библиотекой. Немо распахнул дверь, противоположную той, через которую мы вошли, и я оказался в не менее ярко освещенном салоне.

Это был просторный зал с закругленными углами. Мощные лампы, скрытые за отделкой потолочного свода, напоминавшего мавританские дворцы, лили мягкий свет на сокровища этого музея. Это и был настоящий музей, в котором соединились шедевры природы и искусства.

Десятка три картин великих мастеров, отделенные одна от другой щитами с рыцарскими доспехами, украшали стены, обтянутые однотонной тканью. Тут были полотна Рафаэля и Леонардо да Винчи, Корреджо и Тициана, Веронезе и Мурильо, Гольбейна и Рубенса. Современная живопись была представлена картинами Делакруа, Энгра, Мейссонье и Добиньи. Несколько великолепных мраморных и бронзовых копий античных скульптур стояли в углах.

Я был буквально ошеломлен, и это не укрылось от капитана Немо.

– Когда-то мне доставляло удовольствие любоваться прекрасными творениями рук человеческих, – заметил он. – Я был страстным и неутомимым коллекционером, и мне удалось приобрести ряд полотен большой ценности. Это собрание – напоминание о земле, которая для меня больше не существует...

Капитан Немо умолк и глубоко задумался. Я глядел на него с волнением, не смея произнести ни слова. Опершись о драгоценный мозаичный стол, он, казалось, совершенно забыл о моем присутствии.

Я продолжил осмотр редкостей. Произведения искусства мирно соседствовали здесь с творениями природы. Водоросли, раковины и прочие феномены океанской фауны и флоры, собранные рукой капитана, занимали едва ли не самое видное место в этой коллекции.

Посреди салона из раковины моллюска-гиганта тридакны бил фонтан. В диаметре раковина достигала полутора метров – такой экземпляр мог явиться специалисту разве что в горячем сне.

Вокруг раковины в витринах, окованных медью, располагались редчайшие экспонаты, извлеченные из океанских глубин. Вообразите себе мой восторг!

Горгонии, морские органчики, шестилучевые и восьмилучевые кораллы, невиданные губки, лофогелии и альционии, веерницы, глазчатые кораллы и великое множество иных беспозвоночных. Впечатлительный исследователь растерялся бы, взглянув на соседние витрины, где были размещены бесценные экземпляры моллюсков, в том числе императорский спондил, за которого любой европейский музей без колебаний уплатил бы двадцать тысяч франков, и «Слава морей», драгоценнейшая раковина из Восточной Индии.

В особых отделениях лежали образцы жемчуга невиданной красоты. Среди них были и уникальные экземпляры крупнее голубинового яйца. Определить стоимость этой коллекции не было никакой возможности.

Я невольно спросил себя: из каких источников черпает капитан Немо средства на удовлетворение своих причуд?

Но тут капитан сам обратился ко мне:

– Вас заинтересовали мои раковины, господин профессор? Они, разумеется, прекрасны, но для меня обладают особой прелестью, потому что я собрал их сам, посетив практически все моря на земном шаре.

– Ни один европейский музей не располагает такой коллекцией! Но, признаюсь, меня ничуть не меньше интересует устройство вашего «Наутилуса», его двигатели и механизмы, сообщающие ему неслыханную подвижность. Могу ли я узнать...

– Мсье Аронакс, – ответил капитан, – я уже сказал вам, что вы свободны на борту судна, и нет такого уголка, куда бы вам был воспрещен доступ. С удовольствием стану вашим проводником. Но для начала пройдемте в каюту, приготовленную для вас.

Я последовал за капитаном Немо. Покинув музейный салон, мы оказались в узком коридоре, проходившем вдоль борта судна. Пройдя на нос, капитан Немо открыл дверь моей каюты, вернее, со вкусом обставленной комнаты с удобной мебелью.

– Ваша каюта соседствует с моей, – сказал Немо, приоткрывая другую дверь, – а моя сообщается с салоном, где мы только что побывали.

Каюта капитана больше походила на монашескую келью. Железная кровать, рабочий стол, несколько стульев, умывальник. Здесь царил полумрак. Ничего лишнего – только самые необходимые вещи.

Капитан Немо указал на стул.

– Не желаете ли присесть? – произнес он.

Я уселся, и он приступил к пояснениям.

12

Благодаря электричеству!

– Это, – сказал капитан Немо, указывая на приборы, висевшие на стенах его каюты, – аппаратура, необходимая для управления «Наутилусом». Приборы всегда у меня перед глазами, и в любой момент я знаю, в какой точке океана находится мой подводный корабль и каким курсом движется. Кроме обычных термометра, барометра и гигрометра, здесь вы можете видеть прибор, сигнализирующий о приближении бури, хронометры и секстан, с помощью которых я определяю координаты судна, а также дневные и ночные зрительные трубы – ими я пользуюсь, осматривая горизонт, когда «Наутилус» поднимается на поверхность. Кроме того, здесь находится манометр для измерения глубины и термометрические зонды для определения температуры воды в различных слоях.

– А вот эти приборы? Я просто не представляю себе их назначения!

– Тут, мсье Аронакс, я должен кое-что разъяснить, – сказал капитан Немо. – В природе существует могущественная сила – послушная и простая в обращении, и на моем корабле все подчинено ей. Она освещает его, отопливает, приводит в движение машины и механизмы. Эта сила – электрическая энергия!

– Электрическая энергия? – удивился я.

– Да, сударь.

– Но ведь сила электричества до сих пор считается очень ограниченной, а возможности ее просто ничтожными!

– Скажу только, что способы получения и использования электрической энергии на моем корабле весьма отличаются от общеизвестных. Но углубляться в подробности не стану, так как это одна из моих тайн. Океан снабжает меня электричеством, а электричество дает «Наутилусу» тепло, свет, способность двигаться – словом, жизнь!

– Не смею настаивать, сударь, достаточно и этого. Признаться, я изумлен! Неужели и воздух для дыхания...

– О, я мог бы получать и чистейший кислород! Но это излишне, так как я могу в любой момент подняться на поверхность океана. Кроме того, на судне имеются специальные резервуары, в которые электрические насосы нагнетают воздух, что позволяет нам достаточно длительное время находиться на глубине.

– Поразительно! – воскликнул я. – Вы, очевидно, сделали целый ряд крупных открытий, выявив двигательную мощь электрической энергии?

– Во всяком случае, – сказал на это капитан, – я нашел ей самое широкое применение. Вы видите повсюду светильники, дающие ровный и постоянный свет, эти часы на стене – электрические и не уступают лучшим хронометрам. А вот и еще одно применение электричества: циферблат, который вы видите перед собой, служит указателем скорости «Наутилуса». Так, сейчас мы движемся со скоростью не более пятнадцати морских миль в час. А сейчас давайте пройдем в кормовые отсеки «Наутилуса»...

Попутно я ознакомился с внутренним устройством подводного корабля, а заодно прикинул его размеры. Длина судна составляла более семидесяти метров, и я окончательно убедился, каким грандиозным творением разума был «Наутилус».

По пути Немо остановился в тесном помещении между двумя стальными переборками. Трап, привинченный к стене, поднимался к потолку. Я поинтересовался, куда ведет этот трап.

– К шлюпке, – отвечал капитан. – Она служит для прогулок и рыбной ловли. Но нам не приходится подниматься на поверхность, чтобы спустить ее на воду. Шлюпка помещается в специальной выемке в кормовой части палубы «Наутилуса». Она снабжена водонепроницаемой крышкой. Трап ведет к узкому люку в палубе «Наутилуса», который связан с таким же

люком в дне шлюпки. Достаточно подняться туда, закрыть люк и отвинтить болты, чтобы мгновенно всплыть на поверхность. После чего можно открыть герметичный люк, поставить мачту с парусом или взяться за весла.

Миновав лестничный пролет, мы прошли мимо открытой двери небольшой каюты, где Консель и Нед Ленд, судя по всему, только что покончили с завтраком. Рядом находились камбуз и обширные судовые кладовые.

И повсюду было электричество: вместо газовых горелок использовались платиновые пластины, которые ток раскалял добела, поддерживая необходимую температуру плиты. На электричестве работал и опреснительный аппарат, снабжавший команду чистой пресной водой. Возле камбуза размещалась ванная комната, куда бесперебойно подавалась горячая и холодная вода.

Далее находился матросский кубрик, но его дверь оказалась запертой, и мне не удалось определить численность экипажа и обслуживающего персонала на борту.

Стальная водонепроницаемая переборка отделяла кубрик от машинного отделения, где капитан Немо, первоклассный инженер и конструктор, установил машины, приводившие «Наутилус» в движение. Это помещение имело не менее двадцати метров в длину и было ярко освещено. В ближней части располагались батареи, вырабатывавшие электрическую энергию, во второй – двигатели, вращавшие винт корабля.

Ничего похожего на машинные отделения пароходов – абсолютная чистота, отсутствие грохота шатунов и свиста пара. Однако я сразу же почувствовал какой-то неприятный запах, и капитан Немо заметил это.

– Это газ, – сказал он, – который выделяется при извлечении натрия из морской воды. Приходится с этим мириться, хотя каждое утро мы основательно вентилируем весь корабль.

Я принялся с любопытством осматривать механизмы и агрегаты, заполнявшие почти все пространство отделения.

– Как видите, – сказал капитан Немо, – электрическая энергия, выработанная батареями, передается в машинное отделение, где приводит в действие электромоторы, которые через систему передач, в свою очередь, приводят в движение гребной вал. Винт «Наутилуса» имеет диаметр шесть метров, а скорость его вращения достигает ста двадцати оборотов в секунду. Это и позволяет судну развивать скорость в пятьдесят миль в час.

Теперь, выслушав этого человека, я не сомневался: тут кроется какая-то тайна. Каким образом Немо удавалось получать ток высокого напряжения от низковольтных химических батарей? Откуда взялась такая громадная мощность? Я не мог этого понять, но чувствовал, что настаивать на пояснениях бессмысленно.

– Да, капитан, – наконец проговорил я, – результаты налицо. Я хорошо помню, как искусно маневрировал «Наутилус» вокруг «Авраама Линкольна». Но скорость – это еще не все. Нужно видеть, куда идешь, иметь возможность управлять судном по вертикали и горизонтали! Каким образом вы погружаетесь на глубины, где давление достигает ста атмосфер? Как поднимаетесь на поверхность? Или я не вправе задавать такие вопросы?

– Отчего же, господин профессор, – произнес капитан. – Ведь вы отныне навсегда связаны с моим подводным кораблем. Вернемся в салон – это наш главный рабочий кабинет, и там вы узнаете все, что вам необходимо знать о «Наутилусе».

13

Некоторые цифры

Вскоре мы уже сидели на диване в салоне. Капитан Немо разложил передо мною чертежи, представлявшие собой продольный и поперечный разрез «Наутилуса», и сказал:

– Вот, мсье Аронакс, план судна, на котором вы находитесь. Формой оно напоминает сигару длиной чуть больше семидесяти метров и шириной в центральной части до восьми метров. Эти две величины позволяют вычислить площадь главной палубы и объем «Наутилуса». Площадь его составляет тысячу одиннадцать квадратных метров, а объем – тысячу пятьсот кубических метров, иначе говоря, его полное водоизмещение составляет тысячу пятьсот тонн.

Разрабатывая проект судна для подводного плавания, я исходил из того, что в надводном положении девять десятых его объема будут погружены в воду и лишь одна останется над поверхностью. Для этого судно должно весить не более тысячи трехсот пятидесяти шести тонн, а значит, при его конструировании следовало отталкиваться от этой цифры.

«Наутилус» имеет два корпуса – наружный и внутренний; они соединены между собой стальными балками, что придает судну колоссальную прочность и способность противостоять почти любому давлению. Толщина наружной обшивки не менее пяти сантиметров, а ее вес – триста девяносто пять тонн. Внутренняя обшивка и киль весят шестьдесят две тонны, а машины, балласт, внутренние переборки и прочее оборудование, вместе взятые, весят девятьсот шестьдесят с небольшим тонн. Итак, общий вес судна составляет тысячу триста пятьдесят шесть тонн.

– Это означает, – продолжал капитан, – что для того, чтобы полностью погрузить «Наутилус» в воду, необходимо иметь резервуары, равные десятой доле его объема, то есть способные вместить около ста пятидесяти тонн воды. Такие резервуары имеются в трюме «Наутилуса». Стоит открыть клапаны, как они наполняются водой и корабль погружается, поскольку его удельный вес становится равным удельному весу воды! Однако необходимо было учесть и то, что при высоком давлении вода немного сжимается, а ее объем, соответственно, уменьшается. Поэтому пришлось установить дополнительные резервуары вместимостью в сто тонн, хотя для того, чтобы погрузиться на глубину одного километра, хватило бы и шести тонн балласта.

– Всего лишь?

– Всего лишь, мсье Аронакс! Если мне приходит в голову подняться вровень с поверхностью моря, достаточно выкачать воду из дополнительных резервуаров, а для того, чтобы «Наутилус» поднялся над поверхностью на одну десятую своего объема, я должен полностью опорожнить балластные цистерны.

– Не стану спорить с вашими вычислениями, тем более что их результаты подтверждаются на практике, но один вопрос у меня все равно остается. Когда вы находитесь на глубине тысячи метров, обшивка «Наутилуса» испытывает давление в сто атмосфер. Но если вы пожелаете освободить резервуары, чтобы всплыть на поверхность, вашим насосам придется преодолеть давление в сто атмосфер. Не представляю, какая для этого может потребоваться мощность!

– О, – Немо усмехнулся, – вы сами имели возможность убедиться в мощи насосов «Наутилуса», когда на палубу «Авраама Линкольна» обрушился извергнутый ими водяной столб. Однако я пользуюсь запасными балластными цистернами лишь при погружении на глубины до двух километров. Когда же возникает необходимость побывать на глубине четырех, а то и шести километров, я использую более сложное, но вполне надежное устройство. Обычный руль с широким пером дает мне возможность маневрировать по горизонтали, но

я могу управлять «Наутилусом» и по вертикали – быстро передвигаться вверх или вниз. Для этого имеются две плоскости с изменяемым углом наклона, прикрепленные к бортам судна у ватерлинии. Управляются они с помощью мощных рычагов. Если плоскости стоят параллельно килю, судно идет по горизонтали. Если же они расположены под наклоном, то «Наутилус», увлекаемый винтом, либо опускается либо поднимается. Можно и ускорить подъем, выключив двигатели: тогда «Наутилус» всплывает примерно так, как взлетает в воздух наполненный водородом аэростат.

– Но как может рулевой вести подводный корабль вслепую? – озадаченно спросил я.

– Для этого существует ходовая рубка в носовой части корпуса. Ее иллюминаторы изготовлены из свинцового стекла толщиной в двадцать один сантиметр. Позади рубки помещается мощный электрический прожектор с рефлектором, луч которого освещает море на расстоянии полумили перед «Наутилусом».

– Так вот что означает таинственное свечение моря, так смущавшее ученых! Скажите, капитан, а что привело к столкновению «Наутилуса» с «Шотландией», наделавшему столько шума?

– Чистейшая случайность! Мы шли в двух метрах под поверхностью, когда это произошло, но я сразу же понял, что «Шотландия» не потеряет плавучести.

– Но ваша встреча с «Авраамом Линкольном»...

– Жаль, конечно, что пострадал один из лучших кораблей американского флота. Но на меня напали, и я был вынужден защищаться. Впрочем, я ограничился тем, что на время обезвредил фрегат.

– Ваш «Наутилус», – невольно воскликнул я, – поистине нечто непревзойденное!

– Да, профессор, – подтвердил капитан Немо, – и я люблю его, как собственное дитя! Надводные суда повсюду подстерегают опасности, тогда как на борту «Наутилуса» человек может быть спокоен. Нам нечего бояться трещин в корпусе и течей, так как двойная обшивка прочнее литой стали; здесь нет такелажа, который может подвести, нет парусов, которые может повредить шквал, нет паровых котлов, которые могут взорваться, нет деревянных частей, а значит и опасности пожара, нет угля, запас которого всегда не вовремя заканчивается. Как конструктор, строитель и капитан этого судна в одном лице, я отношусь к «Наутилусу» с безграничным доверием!

В голосе капитана Немо звучало воодушевление, его темные глаза горели, а движения сделались порывистыми.

Однако еще один вопрос, возможно, самый главный, уже был готов сорваться с моих губ.

– Вы, стало быть, инженер, господин Немо?

– Да, – ответил он, – я учился в Лондоне, Париже и Нью-Йорке.

– Но как же вам удалось сохранить в полной тайне строительство этого удивительного корабля?

– Каждая часть «Наутилуса», мсье Аронакс, заказана и изготовлена в различных странах и даже на разных континентах. Причем поставщики получали чертежи отдельных узлов и деталей, всякий раз подписанные другим именем.

– Но ведь рано или поздно вам пришлось все это собрать воедино?

– Моя судостроительная верфь, профессор, располагалась на пустынном острове в открытом океане. Именно там специально обученные рабочие под моим руководством собрали и довели до совершенства наш «Наутилус». Когда работа была закончена, огонь уничтожил все следы нашего пребывания на острове.

– Надо полагать, корабль обошелся вам недешево?

– Вы наверняка знаете, что современный броненосец обходится в тысячу сто двадцать пять франков за каждую тонну водоизмещения. «Наутилус» весит тысячу пятьсот тонн.

Стало быть, его стоимость около двух миллионов франков, а если считать вместе с коллекциями и художественными произведениями, хранящимися здесь, – не менее пяти миллионов франков.

– Значит, вы очень богаты?

– Ну, как вам сказать... Например, я мог бы не сходя с места оплатить государственный долг Франции. А это, как вам наверняка известно, десять миллиардов франков!

Я пристально взгляделся в лицо собеседника. Не злоупотребляет ли он моей доверчивостью?

Ну что ж, время покажет!

14

«Черная река»

Площадь, занимаемая океанами на поверхности земного шара, составляет более 360 миллионов квадратных километров, а их объем превышает 1360 миллионов кубических километров. Для того чтобы заполнить водой такой «резервуар», всем рекам Земли пришлось бы трудиться сорок тысяч лет.

Мировой океан состоит из пяти главных водоемов: Северного Ледовитого, Атлантического, Тихого, Индийского и Южного океанов.

Крупнейший из них и самый глубоководный – Тихий океан. Он простирается на 15 тысяч километров с севера на юг и почти на 20 тысяч километров с востока на запад. Первым из европейцев пересек Тихий океан Фернан Магеллан в 1521 году, он же назвал его «Тихим», но вскоре выяснилось, что Магеллан ошибся. Именно в этом великом океане зарождаются ужасные тропические бури, а его поверхность производит три четверти всех облаков на Земле.

– Сейчас, – сказал капитан Немо, – мы точно определим место, где находится «Наутилус», и будем считать его исходной точкой нашего путешествия.

Капитан нажал кнопку электрического звонка, и насосы начали выкачивать воду из резервуаров; стрелка манометра поползла вверх и замерла на нулевой отметке.

– Мы на поверхности, – отметил капитан.

По центральному трапу мы поднялись через главный люк на палубу судна.

Палуба выступала из воды не больше чем на восемьдесят сантиметров. Океан был спокоен, небо – ясным. Сигарообразный корпус «Наутилуса» слегка покачивался на отлогих океанских волнах. Вокруг простиралась необозримая водная пустыня.

Капитан Немо, взяв секстан, взглянул на хронометр, удостоверился, что наступил полдень, и измерил высоту солнца над горизонтом. Затем мы вернулись в салон, где с помощью таблиц и хронометра капитан вычислил координаты: мы находились на 137 градусе западной долготы и 37 градусе северной широты, то есть в трехстах милях от берегов Японии. Итак, сегодня, 8 ноября, в полдень началось наше кругосветное путешествие под водой.

– Я приказал взять курс на восток-северо-восток и идти на глубине пятидесяти метров. На карте будет ежедневно отмечаться пройденный нами путь. Салон по-прежнему в вашем распоряжении, мсье Аронакс, я же вынужден вас покинуть...

Когда Немо вышел, я остался наедине со своими мыслями. Я думал о капитане «Наутилуса». Узнаю ли я когда-нибудь, какой национальности этот загадочный человек? Что вызвало в нем ненависть к человечеству? Не из тех ли он непризнанных гениев, которых, как говорит Консель, «обидел свет»? Неведомо! Случай забросил меня на его судно, и жизнь моя в его руках. Однако он ни разу не подал мне своей руки!

Целый час провел я в размышлениях. Наконец взгляд мой упал на карту Земли, разложенную на столе, и я отыскал на ней точку, в которой только что находился «Наутилус».

В океанах, как и на суше, есть свои «реки» – океанические течения. Океанологам известны пять крупнейших течений: Североатлантическое, Южноатлантическое, Северотихоокеанское, Южнотихоокеанское и то, что образует замкнутое кольцо в Индийском океане.

Путь «Наутилуса» лежал в русле одного из таких течений, обозначенного на карте как течение Куро-Сиво, что в переводе значит «Черная река». Оно протянулось от Бенгальского залива до Алеутских островов и резко отличается ярко-синим цветом своих вод от холодных вод океана.

Я так углубился в изучение карты, что не заметил, как Нед Ленд и Консель вошли в салон.

Мои спутники не могли опомниться от изумления при виде чудес, представших перед ними. Консель, любитель зоологической классификации, тут же бросился к витринам с коллекцией раковин, а Нед Ленд пустился в расспросы о моем свидании с капитаном Немо.

Я сообщил ему все, что узнал, и, в свою очередь, спросил, что ему удалось увидеть и услышать на судне.

– Ничего ровным счетом, – ответил канадец. – Ни один человек из команды не попался мне на глаза. Может, и экипаж здесь электрический? Хотя вы-то, профессор, можете мне сказать, сколько людей на борту?

– Послушайте, Нед! Выбросьте-ка из головы затею захватить «Наутилус» или бежать с него. Это судно – настоящее чудо техники, и я знаю людей, которые согласились бы многим пожертвовать ради возможности поменяться с вами местами! Поэтому давайте спокойно наблюдать за тем, что происходит вокруг нас.

– Наблюдать! – возмутился гарпунер. – Что можно увидеть, находясь в этой железной банке?

Не успел Нед закончить фразу, как свет в салоне померк. Мы замерли, не зная, что нас ожидает. И сейчас же послышался какой-то шорох – словно стальная обшивка «Наутилуса» начала раздвигаться.

Внезапно салон опять осветился, но теперь свет проникал в него снаружи через огромные овальные хрустальные стекла в стенах. Морские глубины были великолепно освещены в радиусе полумили от «Наутилуса». Поразительное зрелище, и я просто теряюсь, не будучи в силах его описать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.